Мировой порядок

Автор:

[Генри Киссинджер](#)

Мировой порядок

Генри Киссинджер

В своей новой книге «Мировой порядок» Генри Киссинджер анализирует современное состояние мировой политики и приходит к неутешительному выводу о провале единой системы баланса сил и необходимости реконструкции международной системы.

Генри Киссинджер

Мировой порядок

Посвящается Нэнси

Henry Kissinger

WORLD ORDER

Печатается с разрешения автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

© Henry A. Kissinger, 2014

© Перевод. В. Желнинов, 2015

© Перевод. А. Милюков, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Введение

Что такое «мировой порядок»?

В 1961 году, будучи молодым ученым, я во время выступления на конференции в Канзас-Сити вспомнил президента Гарри С. Трумэна. На вопрос о том, какими достижениями своего президентства он более всего гордится, Трумэн ответил: «Тем, что мы целиком и полностью разгромили наших врагов, а затем вернули их обратно в сообщество наций. Мне приятно думать, что только Америке удалось нечто подобное». Сознывая огромное могущество Америки, Трумэн гордился в первую очередь американским гуманизмом и приверженностью демократическим ценностям. Он хотел, чтобы его запомнили не столько как президента победоносной страны, сколько как главу государства, примирившего врагов.

Все преемники Трумэна в той или иной степени следовали его убеждениям, отраженным в этой истории, и аналогичным образом гордились вышеназванными составляющими американской идеи. Отмечу, что на протяжении многих лет сообщество наций, которое они всемерно поддерживали, существовало в рамках «американского консенсуса» – государства сотрудничали, неуклонно расширяя ряды данного мирового порядка, соблюдая общие правила и нормы, развивая либеральную экономику, отказываясь от территориальных завоеваний в пользу уважения национальных суверенитетов и принимая представительную демократическую систему управления. Американские президенты, причем их партийная принадлежность не имела значения, решительно призывали правительства других стран, нередко – весьма пылко и красноречиво – обеспечить соблюдение прав человека и поступательное развитие гражданского общества. Во многих случаях поддержка этих ценностей со стороны Соединенных Штатов и их союзников приводила к значительным преобразованиям в статусе населения конкретного

государства.

Тем не менее сегодня у указанной системы, «основанной на правилах», возникли проблемы. Частые увещевания, обращенные к прочим странам, призывы «внести посильный вклад», играть «по правилам двадцать первого столетия» и быть «ответственными участниками процесса» в рамках общей системы координат отчетливо показывают, что не существует общего для всех представления об этой системе, общего для всех понимания «посильного вклада» или «справедливости». За пределами западного мира те регионы, которые принимали минимальное участие в выработке нынешних правил, ставят под сомнение эффективность данных правил в их текущих формулировках и ясно демонстрируют готовность приложить все усилия, чтобы изменить упомянутые правила. Таким образом, «международное сообщество», к которому сегодня взывают, возможно, более настойчиво, чем в любую другую эпоху, не в состоянии согласовать – или хотя бы договориться – об однозначном и непротиворечивом комплексе целей, методов и ограничений.

Мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка. Хаос угрожает нам, а вместе с тем формируется беспрецедентная взаимозависимость: распространение оружия массового уничтожения, дезинтеграция былых государств, последствия хищнического отношения к окружающей среде, сохранение, к великому сожалению, практики геноцида и стремительное внедрение новых технологий угрожают усугубить привычные конфликты, обострить их до степени, превосходящей человеческие возможности и границы разума. Новые способы обработки и передачи информации объединяют регионы как никогда прежде, проецируют местные события на глобальный уровень – но так, что препятствуют их полноценному осмыслению, в то же время требуя от государственных лидеров моментальной реакции, хотя бы в форме лозунгов. Неужели мы вступаем в новый период, когда будущее станут определять силы, не признающие ни ограничений, ни какого-либо порядка вообще?

Разновидности мирового порядка

Не будем лукавить: по-настоящему глобального «мирового порядка» никогда не существовало. То, что признается ныне за таковой, сложилось в Западной Европе почти четыре столетия назад, его основы были сформулированы на мирных переговорах в немецкой области Вестфалия, причем без участия – или даже внимания – большинства стран на других континентах и большинства иных цивилизаций. Столетие религиозных распрей и политических потрясений в Центральной Европе достигло кульминации в Тридцатилетнюю войну 1618–1648 годов; это был «мировой» пожар, в котором смешались политические и религиозные противоречия; в ходе войны сражающиеся прибегали к «тотальной войне»[1 - Вестфальский мирный договор был подписан в середине XVII века, а концепция тотальной войны разработана немецкими военными теоретиками в начале XX века; эта концепция исходила из факта, что современная война перестала быть сражением армий и стала сражением наций – одно государство, мобилизуя все доступные ресурсы, побеждает другое, сокрушая его «дух»]. (Прим. перев.)] против ключевых населенных пунктов, и в результате Центральная Европа лишилась почти четверти населения – из-за боевых действий, болезней и голода. Истощенные противники встретились в Вестфалии, чтобы договориться о совокупности мер, призванных остановить кровопролитие. Религиозное единство дало трещину благодаря утверждению и распространению протестантизма; политическое многообразие явилось логичным следствием многочисленности независимых политических единиц, которые участвовали в войне. В итоге получилось так, что Европа первой восприняла привычные условия современного мира: разнообразие политических единиц, ни одна из которых не обладает мощностью, достаточной для того, чтобы победить всех остальных; приверженность противоречивым принципам, идеологическим воззрениям и внутренним практикам, и все стремятся обрести некие «нейтральные» правила, регулирующие поведение и смягчающие конфликты.

Вестфальский мир следует трактовать как практическое приближение к реальности, он вовсе не демонстрирует какого бы то ни было уникального нравственного осознания. Этот мир опирается на сосуществование независимых государств, которые воздерживаются от вмешательства во внутренние дела друг друга и сопоставляют собственные амбиции и амбиции прочих с принципом общего равновесия власти. Никакое единоличное притязание на обладание истиной, никакое универсальное правило не сумели воцариться в Европе. Вместо этого каждое государство обзавелось суверенной властью над своей территорией. Каждое соглашалось признавать внутренние структуры и религиозные убеждения соседей как жизненные реалии и воздерживалось от оспаривания их статуса. Подобный баланс сил отныне рассматривался как

естественный и желательный, а потому амбиции правителей выступали противовесом друг другу, по крайней мере, в теории ограничивая масштабы конфликтов. Разделенность и многообразие (во многом случайно сложившиеся в развитии европейской истории) стали отличительными признаками новой системы международного порядка – с собственным мировоззрением, собственной философией. В этом смысле усилия европейцев по тушению их «мирового» пожара способствовали формированию и послужили прототипом современного подхода, когда от вынесения абсолютных суждений отрекаются в пользу практичности и экуменизма[2 - Экуменизм – единство в многообразии, принцип сосуществования различных христианских церквей. В данном случае вместо авторского термина было бы логичнее использовать определение «мультикультурализм». (Прим. перев.)]; это попытка выстроить порядок на разнообразии и сдерживании.

Переговорщики семнадцатого века, составлявшие условия Вестфальского мира, не предполагали, разумеется, что закладывают основы глобальной системы, которая раскинется далеко за пределы Европы. Они даже не попытались привлечь к этому процессу соседнюю Россию, которая в ту пору устанавливала собственный новый порядок после невзгод Смутного времени, причем возводила в закон принципы, кардинально различавшиеся с вестфальским балансом сил: абсолютная монархия, единая государственная религия – православие и территориальная экспансия во всех направлениях. Впрочем, и другие крупные центры силы не воспринимали Вестфальские соглашения (насколько они были вообще осведомлены об этих соглашениях) как имеющие отношение к их территориям и владениям.

Идея мирового порядка была реализована на географическом пространстве, известном государственным деятелям того времени; подобный подход регулярно реализуется во многих регионах. Это в значительной мере объясняется тем, что тогдашние доминирующие технологии несколько не способствовали созданию единой глобальной системы – сама мысль о последней представлялась непозволительной. Не имея средств взаимодействовать друг с другом на постоянной основе, не располагая возможностями адекватно оценивать «температуру могущества» европейских регионов, каждая суверенная единица трактовала собственный порядок как уникальный, а всех прочих расценивала как «варваров» – которыми управляют в манере, неприемлемой для существующего строя и потому рассматриваемой в качестве потенциальной угрозы. Каждая суверенная единица считала свой порядок идеальным лекалом для общественной организации человечества в целом, воображая, что своим способом управления упорядочивает мир.

На противоположном конце евразийского материка Китай сотворил собственную, иерархическую и теоретически универсальную, концепцию порядка – с собой в ее центре. Китайская система развивалась на протяжении тысячелетий, существовала уже тогда, когда Римская империя правила Европой как единым целым, опираясь не на равенство суверенных государств, а на предполагавшуюся беспредельность притязаний императора. В китайской концепции понятие суверенитета в европейском понимании отсутствовало, поскольку император властвовал над «всей Поднебесной». Он являлся вершиной политической и культурной иерархии, отлаженной и универсальной, которая распространялась от центра мира, каковым являлась китайская столица, вовне, на остальное человечество. Окружающие Китай народы классифицировались по степени варварства, в том числе на основании их зависимости от китайской письменности и культурных достижений (эта космография благополучно дожила до современной эпохи). Китай, с китайской точки зрения, должен повелевать миром, прежде всего вызывая благоговение других обществ своим культурным великолепием и экономическим изобилием, вовлекать эти другие общества в отношения, которые, при надлежащем управлении, способны привести к цели – достижению «поднебесной гармонии».

Если рассматривать пространство между Европой и Китаем, необходимо отметить главенство на этой территории универсальной концепции мирового порядка, которую предложил ислам – с мечтой о единоличном, санкционированном Богом правлении, объединяющем и примиряющем мир. В седьмом веке ислам утвердился на трех континентах благодаря беспрецедентной «волне» религиозной экзальтации и имперской экспансии. После объединения арабского мира, захвата остатков Римской империи и подчинения Персидской империи[3 - Имеется в виду государство Сасанидов на территории современных Ирака и Ирана (в период расцвета занимало территорию от Александрии в Египте до Пешавара в Пакистане), существовавшее до середины VII столетия и уничтоженное Арабским халифатом. (Прим. перев.)] ислам стал главенствующей религией на Ближнем Востоке, в Северной Африке, во многих областях Азии и части Европы. Исламская версия универсального порядка предусматривала распространение истинной веры на всю «территорию войны»[4 - «Территория войны» (Дар-аль-харб) – в исламском богословии земли, где большинство населения составляют неверные, не исповедующие ислам и ему враждебные. «Территории войны» противопоставляется Дар-аль-ислам – «территория ислама»; между ними находится Дар-ас-сульх – «территория перемирия», где в Аллаха не верят, но мусульман не преследуют. Ни в Коране, ни в хадисах (изречениях) Пророка о

подобном делении мира не упоминается; считается, что эту концепцию ввели в обращение богословы XIII–XIV веков. (Прим. перев.)], как мусульмане именовали земли, населенные неверными; миру суждено стать единым и обрести гармонию, внемля слову пророка Мухаммада. Пока Европа выстраивала свой мультигосударственный порядок, Османская империя, с метрополией в Турции, возродила эту претензию на единоличное «боговдохновенное» правление и распространила свою власть на арабские земли, бассейн Средиземного моря, Балканы и Восточную Европу. Она, конечно, уделяла внимание зарождающейся межгосударственной Европе, но вовсе не считала, что наблюдает модель для подражания: в европейских договоренностях османам виделся стимул для дальнейшей османской экспансии на запад. Как выразился султан Мехмед II Завоеватель, увещевая итальянские города-государства, этот ранний образчик многополярности в пятнадцатом веке: «Вас двадцать городов... Вы вечно препираетесь между собою... Должна быть одна империя, одна вера, одна власть во всем мире».

Между тем на противоположном от Европы побережье Атлантического океана, в Новом Свете, закладывались основы иного представления о мироустройстве. Европу семнадцатого столетия охватили политические и религиозные конфликты, и пуритане-переселенцы изъявили решительное намерение «исполнить Божий план» и реализовать его в «отдаленной глуши», дабы освободиться от соблюдения установлений существующей (и, по их мнению, «негодной») структуры власти. Там они собирались строить, если цитировать губернатора Джона Уинтропа, который проповедовал в 1630 году на борту корабля, направляющегося в поселение Массачусетс, «град на холме», вдохновляя мир справедливостью своих принципов и силой своего примера. В американском видении мирового порядка мир и баланс сил достигаются естественным путем, древние распри и вражду надлежит оставить в прошлом – едва другие народы усвоят те же самые принципы правления, что и американцы. Задача внешней политики, таким образом, состоит не столько в отстаивании сугубо американских интересов, сколько в распространении общих принципов. Со временем Соединенные Штаты превратились в главного защитника того порядка, который сформулировала Европа. Тем не менее, пусть США подкрепляют своим авторитетом европейские усилия, налицо некая двойственность восприятия – ведь американское видение опирается не на принятие европейской системы сбалансированной власти, а на достижение мира посредством распространения демократических принципов.

Среди всех вышеупомянутых концепций принципы Вестфальского мира рассматриваются – в рамках этой книги – в качестве единственной

общепризнанной основы того, что можно определить как существующий мировой порядок. Вестфальская система распространилась по всему миру в качестве «каркаса» межгосударственного и международного порядка, охватывающего различные цивилизации и регионы, поскольку европейцы, расширяя границы своих владений, всюду навязывали собственные представления о международных отношениях. Они частенько «забывали» о понятии суверенитета по отношению к колониям и колонизируемым народам, но когда эти народы начали требовать независимости, их требования основывались именно на вестфальской концепции. Национальная независимость, суверенная государственность, национальные интересы и невмешательство в дела других – все эти принципы оказались эффективными доводами в спорах с колонизаторами, причем как в ходе борьбы за освобождение, так и при защите новообразованных государств.

Современная, ныне глобальная Вестфальская система – которую сегодня принято именовать мировым сообществом, – стремится «облагородить» анархическую сущность мира с помощью обширной сети международных правовых и организационных структур, призванных содействовать открытой торговле и функционированию стабильной международной финансовой системы, установить общие для всех принципы урегулирования международных споров и ограничить масштабы войн, когда те все-таки случаются. Эта межгосударственная система в настоящее время охватывает все культуры и регионы. Ее институты предоставляют нейтральные рамки взаимодействия различных обществ – в значительной степени независимо от исповедуемых в конкретных обществах ценностей.

При этом вестфальские принципы оспариваются со всех сторон, иногда, как ни удивительно, во имя мирового порядка. Европа намеревается отойти от системы межгосударственных отношений, которую сама спроектировала, и придерживаться впредь концепции объединенного суверенитета[5 - Имеется в виду передача значительной части полномочий государственной власти в суверенном национальном государстве наднациональной структуре, в данном случае – Европейскому союзу. (Прим. перев.)]. По иронии судьбы, Европа, которая придумала концепцию баланса власти, теперь сознательно и существенно ограничивает власть своих новых институтов. Сократив собственное военное могущество, она практически утратила способность адекватно реагировать на попираание этих универсалистских норм.

На Ближнем Востоке джихадисты обоего толка, как сунниты, так и шииты, продолжают разделять общества и демонтировать национальные государства в стремлении к глобальной революции на основе фундаменталистских версий мусульманской религии. Само понятие государства, наряду с основанной на нем региональной системой отношений, находится ныне в опасности, его атакуют идеологии, отвергающие налагаемые государством ограничения как незаконные, и террористические формирования, которые в ряде стран оказываются сильнее вооруженных сил правительства.

Азия, отчасти добившаяся наиболее удивительных успехов среди регионов, которые приняли концепцию суверенной государственности, до сих пор ностальгирует по альтернативным принципам и демонстрирует миру многочисленные примеры регионального соперничества и исторических притязаний наподобие тех, что подрывали европейский порядок сто лет назад. Почти каждая страна считает себя «молодым драконом», провоцируя разногласия на грани открытой конфронтации.

Соединенные Штаты то прилагают усилия по отстаиванию вестфальской системы, то критикуют ее основополагающие принципы баланса сил и невмешательства во внутренние дела как безнравственные и устаревшие – причем порой делают то и другое одновременно. США продолжают считать универсально востребованными свои ценности, которые следует заложить в основу мирового порядка, и оставляют за собой право на их поддержку в глобальном масштабе. Тем не менее после трех войн на протяжении жизни двух поколений – каждая война начиналась с идеалистических устремлений и широкого общественного одобрения и завершалась общенациональной травмой – Америка сегодня пытается составить пропорцию между своим могуществом (по-прежнему очевидным) и принципами государственного строительства.

Все основные центры силы на планете используют в той или иной степени элементы вестфальского порядка, но ни один не считает себя «прирожденным» поборником этой системы. Все указанные центры претерпевают значительные внутренние изменения. Способны ли регионы со столь различными культурами, историей и традиционными для себя теориями мирового порядка принять в качестве закона какую-то глобальную систему?

Успех в достижении подобной цели требует подхода, который уважает как разнообразие традиций человечества, так и укорененное в человеческой природе стремление к свободе. Именно в данном смысле можно говорить о

мировом порядке, но он не может быть навязан. В особенности это верно в эпоху мгновенной коммуникации и революционных политических перемен. Любой мировой порядок, чтобы оказаться жизнеспособным, должен восприниматься как справедливый – не только лидерами, но и простыми гражданами. Он должен отражать две истины: порядок без свободы, даже одобряемый поначалу, в порыве экзальтации, в конечном счете порождает собственную противоположность; однако свобода не может быть обеспечена и закреплена без «каркаса» порядка, призванного помочь сохранить мир. Порядок и свободу, порой трактуемые как противоположные полюса шкалы человеческого опыта, следует рассматривать как взаимозависимые сущности. Способны ли сегодняшние лидеры подняться над насущными текущими заботами ради обретения такого баланса?

Легитимность и власть

Ответ на эти вопросы должен учитывать три уровня концепции государственного порядка. Мировой порядок подразумевает состояние конкретного региона или цивилизации, в рамках которого действует комплекс справедливых договоренностей и существует распределение власти, которое считается приложимым к миру в целом. Международный порядок есть практическое применение указанной системы взглядов к значительной части земного шара, причем территория охвата должна быть достаточно большой, чтобы повлиять на глобальный баланс сил. Наконец, региональный порядок основывается на тех же самых принципах, применяемых в определенной географической зоне.

Любой из перечисленных выше уровней порядка базируется на двух компонентах – совокупности общепринятых правил, определяющих пределы допустимых действий, и на балансе сил, необходимого для сдерживания в условиях нарушения правил, что не позволяет одной политической единице подчинить себе все прочие. Консенсус в отношении легитимности существующих механизмов – сейчас, равно как и в прошлом – не исключает полностью соперничества или конфронтации, но помогает гарантировать, что конкуренция будет принимать лишь форму корректировки существующего порядка, не обернется фундаментальным вызовом этому порядку. Баланс сил сам по себе не может обеспечить мир, однако, если он тщательно проработан и неукоснительно соблюдается, этот баланс может ограничивать масштабы и

частоту фундаментальных противостояний и не допустить их превращения в глобальную катастрофу.

Никакая книга не способна вместить в себя все без исключения исторические традиции международного порядка даже в рамках одной страны, активно участвующей ныне в формировании политического ландшафта. В своей работе я уделяю основное внимание тем регионам, чьи концепции порядка оказали наибольшее влияние на современные представления.

Баланс между легитимностью и властью – чрезвычайно сложный и хрупкий; чем меньше территориально географическая зона, в которой он применяется, чем гармоничнее культурные принципы в его пределах, тем легче достичь жизнеспособного согласия. Но современному миру необходим глобальный миропорядок. Многообразие сущностей, политических единиц, никак не связанных друг с другом исторически или ценностно (за исключением тех, что расположены на расстоянии вытянутой руки), определяющих себя преимущественно по границам своих возможностей, скорее всего, генерирует конфликт, а не порядок.

В ходе моего первого визита в Пекин, состоявшегося в 1971 году и призванного восстановить контакты с Китаем после двух десятилетий вражды, я упомянул, что для американской делегации Китай является «страной загадок и тайн». Премьер-министр Чжоу Эньлай ответил: «Вы сами увидите, что в Китае нет ничего таинственного. Когда вы познакомитесь с нами поближе, мы перестанем казаться вам столь таинственными». В Китае, добавил он, живут 900 миллионов человек, и в своей стране они не видят ничего необычного. В наше время стремление к установлению мирового порядка требует учитывать мнение обществ, чьи взгляды вплоть до недавних дней оставались в значительной степени самодостаточными. Тайна, которую следует раскрыть, едина для всех народов: как наилучшим образом совместить различные исторические опыты и традиции в общем мировом порядке.

Глава 1

Европа: плюралистический международный порядок

Уникальность европейского порядка

История большинства цивилизаций представляет собой рассказ о взлетах и падениях империй. Порядок устанавливался структурой внутреннего управления, а не через достижение равновесия между государствами: крепкий, когда центральная власть сильная и сплоченная, распадающийся при более слабых правителях. В имперской системе войны обычно велись на границах империй или принимали форму гражданских войн. Мир отождествлялся с масштабами власти императора.

В Китае и в исламской культуре политическая борьба велась за контроль над существующим порядком. Династии сменялись, но каждая новая правящая группа претендовала на статус восстановителя легитимной системы, пришедшей в упадок при предшественниках. В Европе же подобная эволюция не прижилась. С закатом римского владычества определяющей характеристикой европейского порядка стал плюрализм. Европейская идея сводилась к географическому единству, к олицетворению христианского мира или «цивилизованного» общества, к средоточию просвещения, образования, культуры, к современному обществу. Тем не менее, пусть в глазах иных народов она выглядела единой цивилизацией, Европа в целом никогда не знала единоличного правления, не обладала единой, строго определенной идентичностью. Принципы, во имя которых ее различные единицы самоорганизовывались, она изменяла достаточно часто, экспериментируя с новыми концепциями политической легитимности и международного порядка.

В других регионах мира период конкуренции между «удельными» правителями получил у потомков наименование «смутного времени», гражданской войны или «эпохи враждующих царств»; это своего рода панихида разобщенности, которую удалось преодолеть. Европа же фактически поощряла фрагментацию и где-то даже ее лелеяла. Конкурирующие династии и конкурирующие народы воспринимались не как проявление «хаоса», который необходимо упорядочить, но, в идеализированной перспективе европейских государственных деятелей – порой сознательно, порой и вовсе нет, – как сложный механизм, призванный обеспечить баланс, который сохраняет интересы, целостность и независимость каждого народа. Более тысячи лет теории и практики европейского государственного управления выводили порядок из равновесия, а идентичность – из сопротивления универсальным правилам и нормам. Нельзя сказать, что

европейские монархи не были подвержены соблазнам завоеваний, этому постоянному искушению их коллег в других цивилизациях, или оказались более привержены абстрактным идеалам многообразия. Скорее, им попросту не хватало сил, чтобы решительно навязывать свою волю соседям. Со временем этот плюрализм сделался отличительной характеристикой европейской модели мирового порядка. Сумела ли Европа в наше время побороть плюралистические тенденции или же внутренние неурядицы Европейского союза снова доказывают их жизнестойкость?

На протяжении пятисот лет имперское владычество Рима обеспечивало единый свод законов, гарантировало совместную оборону от внешнего врага и беспрецедентный уровень культуры. С окончательным падением Рима, обычно датируемым 476 годом нашей эры, империя распалась. В период, который историки называют Темными веками, пышным цветом расцвела ностальгия по утраченной универсальности. Видение гармонии и единства все больше отходило в ведение церкви. Согласно ее картине мироустройства, христианское население представляло единым обществом, управляемым двумя взаимодополняющими органами – гражданским правительством, «наследниками Цезаря», которые поддерживали порядок в мирской, преходящей сфере, и церковью, «преемницей Петра», которая проповедовала универсализм и абсолютные принципы спасения. Аврелий Августин, писавший свои теологические сочинения в Северной Африке в эпоху распада римских установлений, пришел к выводу, что временная политическая власть является легитимной в той мере, в какой она способствует богобоязненной жизни и посмертному спасению человеческой души. «Ибо есть две [власти], о, император и август, которыми по праву верховенства управляется этот мир: святой авторитет понтификов и царская власть. Из них тяжелее бремя священнослужителей, поскольку они и за самих царей будут давать Господу ответ на божественном суде»[6 - Цит. по: Антология мировой правовой мысли. Т. 2. М.: Мысль, 1999. Пер. Н. Ф. Ускова. (Прим. перев.)]. Так писал папа римский Геласий I византийскому императору Анастасию в 494 году. Реальный мировой порядок тем самым признавался недостижимым в посюстороннем мире.

Этой всеобъемлющей концепции мирового порядка пришлось с самого ее возникновения бороться с некоей аномалией: в постримской Европе десятки светских правителей притязали на суверенитет, между ними отсутствовала сколько-нибудь четкая иерархия, при этом все они клялись в верности Христу, однако их отношение к церкви и авторитету последней было двойственным. Утверждение церковного авторитета сопровождалось ожесточенными дебатами, тогда как королевства, обладавшие собственными войсками и проводящие

независимую политику, усиленно маневрировали, добиваясь преимуществ – в манере, которая никоим образом не соответствовала «Граду Божьему» Августина.

Стремление к единству на краткий срок воплотилось в жизнь на Рождество 800 года, когда папа Лев III короновал Карла Великого, правителя франков и покорителя территорий современных Франции и Германии, как Imperator Romanorum (императора римлян)[7 - Полный титул Карла звучал так: «Карл милостивейший возвышенный, коронованный Богом, великий властитель-миротворец, правитель Римской империи, милостью Божией король франков и лангобардов». (Прим. перев.)] и наделил его теоретическим правом притязать на бывшую восточную часть былой Римской империи, в ту пору звавшейся Византией. Император поклялся папе «защищать от всех врагов святую церковь Христову, оберегать оную от языческого нечестия и нападений неверных, как вовне рубежей, так и внутри, и приумножать силу католической веры нашим приобщением к оной».

Но империя Карла Великого не смогла выполнить клятвы императора: на самом деле она начала распадаться едва ли не сразу после коронации Карла. Император, которого одолевали хлопоты в «метрополии», ближе к дому, никогда не пытался править землями бывшей Восточной Римской империи, переданными ему папой. На западе он добился кое-каких успехов, отвоевав Испанию у завоевателей-мавров[8 - Имеется в виду создание Испанской марки (графства), завоевание Жероны и Барселоны и последующий захват Таррагоны (801–806). Следует отметить, что боевые действия против мавров вел не Карл, а его сын и будущий преемник на троне – Людовик Аквитанский (Благочестивый). (Прим. перев.)]. После смерти Карла его преемники предпринимали усилия по сохранению достигнутого, обращались к традиции, именуя свои владения Священной Римской империей. Но, ослабленная гражданскими войнами, менее чем через столетие после своего основания империя Карла Великого сошла с исторической сцены как единое политическое образование (хотя название государства перемещалось на протяжении столетий по европейской территории вплоть до 1806 года).

В Китае властвовали свои императоры, в исламском мире правили халифы – признанные лидеры мусульман. В Европе был император Священной Римской империи. Однако последнему приходилось опираться на куда более слабую базу, нежели его собратьям в других цивилизациях. Он не имел имперской бюрократии. Его власть зависела от могущества в регионах, которыми он правил

по династическому праву; в некотором роде это были, так сказать, семейные владения. Статус императора не подразумевал официального наследования: правителя выбирали семь (позже – девять) князей; эти выборы, как правило, представляли собой гремучую смесь политического маневрирования, апеллирования к религиозному благочестию и огромных финансовых расходов. Теоретически император располагал поддержкой папы римского, но политические и географические соображения (удаленность от Рима) нередко лишали его этой поддержки, и потому на протяжении многих лет он правил как «избранный император». Религия и политика никогда не образовывали единой конструкции, что впоследствии сподвигло Вольтера на известное язвительное замечание: мол, на самом деле Священная Римская империя не была «ни священной, ни римской, ни империей». Бытовавшая в средневековой Европе концепция международного порядка отражала текущие договоренности папы с императором – и множеством других феодальных сюзеренов. Универсальный порядок, основанный на возможности единого правления и единого свода законов, неуклонно лишался какой-либо практической ценности.

Подлинное воплощение средневековой концепции мирового порядка случилось на краткий миг с возвышением в шестнадцатом столетии принца Карла Габсбурга (1500–1558); его правление также обернулось окончательной гибелью этой идеи. Суровый и благочестивый, родившийся во Фландрии, принц с малых лет тяготел к власти; за исключением широко известного пристрастия к пряностям, у него не найти никаких пороков, и общественное мнение признавало его неподверженным обычным человеческим слабостям. Еще в детстве он унаследовал корону Нидерландов, а в шестнадцать лет стал королем Испании – со всеми обширными и прирастающими колониями в Азии и Америке. Вскоре после этого, в 1519 году, он победил на выборах императора Священной Римской империи и стал, таким образом, формальным преемником Карла Великого. Совпадение титулов показывает, что средневековое видение императорского предназначения, казалось, готово исполниться. Благочестивый правитель отныне единолично управлял территориями, примерно соответствовавшими современным Австрии, Германии, Северной Италии, Чехии, Словакии, Венгрии, Восточной Франции, Бельгии, Нидерландам, Испании и большей части Северной и Южной Америки. (Это сосредоточение политической власти в одних руках было обеспечено почти исключительно за счет стратегических браков и привело к появлению девиза Габсбургов: «*Bella gerant alii; tu, felix Austria, nube!*» – «Оставьте войны другим; ты, счастливая Австрия, брачуйся!») Испанские путешественники и конкистадоры – Магеллан и Кортес отправлялись в свои походы с одобрения Карла – уничтожали древние империи на американском континенте и несли в Новый Свет христианскую веру и

европейскую политическую систему. Армия и флот Карла V обороняли христианскую веру от новой волны иноземных нашествий – от турок-османов и их сателлитов в Юго-Восточной Европе и Северной Африке. Карл лично возглавил нападение на Тунис, эту экспедицию финансировали золотом Нового Света. Принимавший непосредственное участие в бурных событиях эпохи, Карл V был провозглашен современниками «величайшим императором после разделения империи в 843 году», правителем, которому суждено вернуть мир в подчинение «единому пастырю».

В традиции Карла Великого на своей коронации Карл поклялся быть «защитником и ревнителем Святой Римской Церкви», и люди приносили ему обеты и выражали почтение как «Caesare» и «Imperio»; папа Климент VII утвердил Карла в роли мирского поборника «установления мира и воссоздания порядка» среди христиан.

Китайский или турецкий гость Европы того времени, возможно, углядел бы видимость хорошо ему знакомой политической системы: континентом правит одна династия, власть которой, как считается, исходит от божества. Если бы Карлу удалось полностью консолидировать свою власть и установить упорядоченное наследование в грандиозном территориальном конгломерате Габсбургов, Европа вполне могла бы подчиниться доминирующей центральной власти, наподобие Китая или исламского халифата.

Но этого не произошло; да Карл, в общем-то, и не пытался. Его, по большому счету, устраивало установление порядка с опорой на равновесие. Гегемония могла стать его наследием, но явно не была целью, что он доказал, когда после пленения своего политического соперника, французского короля Франциска I, в битве при Павии в 1525 году отпустил того – и позволил Франции и далее проводить независимую, состязательную внешнюю политику в самом сердце Европы. Французский король оплатил Карлу за этот широкий жест, пойдя на примечательный шаг, столь нетипичный для средневековой концепции христианской государственности: предложил военное сотрудничество османскому султану Сулейману, который в ту пору вторгся в Восточную Европу и оспаривал власть Габсбургов.

Универсальность церкви, которой грезил Карл V, тоже не состоялась[9 - Позднее в Европе, фракционной и скептической по отношению к универсалистским претензиям, правление Карла воспринималось не столько как шаг в направлении долгожданного единства, сколько как катастрофическая угроза.

Шотландский философ Дэвид Юм, продукт эпохи Просвещения, напишет в восемнадцатом столетии: «Человечество заново устало от опасности всемирной монархии, когда император Карл объединил столь многие королевства и княжества».]. Император не сумел предотвратить появления и распространения доктрины протестантизма в землях, которые являлись опорой его могущества. В итоге пострадали и религиозное, и политическое единство империи. Попытка реализовать устремления, подобающие такому императору, оказалась превыше возможностей и способностей одного человека. Портрет Карла V кисти Тициана (1548), ныне находящийся в мюнхенской Старой Пинакотеке, показывает нам страдания аристократа, который не в состоянии обрести духовное удовлетворение или адекватно манипулировать вторичными (для него, конечно) рычагами гегемонии. Карл решил отречься от династической титулатуры и поделить обширную империю, причем сделал это таким образом, что лишней раз подчеркнул: плюрализм однозначно взял верх над былым стремлением к единству. Своему сыну Филиппу он завещал королевство Неаполя и Сицилии[10 - Так у автора. Точнее - Неаполитанское королевство (Королевство обеих Сицилий), которым от имени императора Габсбурга управлял вице-король. Формально границы королевства охватывали всю Южную Италию. (Прим. перев.)], затем передал ему корону Испании вместе с глобальной империей. На эмоциональной церемонии 1555 года в Брюсселе Карл V выслушал историю своего правления, засвидетельствовавшую усердие, с каким он исполнял свои обязанности, а также передал во владение Филиппу II Нидерланды. В том же году Карл заключил важный договор, Аугсбургский мир, который формально допустил исповедание протестантизма в границах Священной Римской империи. Уничтожив духовный фундамент своего государства, Карл V предоставил принцам право самим выбирать конфессиональную ориентацию подвластных территорий. Вскоре после этого он сложил с себя титул императора Священной Римской империи и передал заботу об империи, ее внутренних неурядицах и внешних вызовах своему брату Фердинанду. А сам укрылся в монастыре в сельской области Испании, намереваясь вести уединенную жизнь. Последние дни он провел в обществе своего духовника и итальянского часовщика, чьи труды украшали стены кельи и чье ремесло Карл пытался изучить. Когда в 1558 году он умер и было вскрыто завещание, там выражалось сожаление из-за нарушения императорской клятвы за время его правления, а сыну Карл советовал удвоить усилия инквизиции.

Три события завершили распад старого идеала единства. К тому времени, когда Карл V скончался, революционные перемены вынудили Европу отвлечься от региональных масштабов и озаботиться глобальными перспективами, одновременно фрагментируя средневековый политический и религиозный

порядок: началась эпоха Великих географических открытий, было изобретено книгопечатание и произошел раскол церкви.

На карте мира, каким его представляли себе образованные европейцы Средневековья, Северное и Южное полушария будут изображены в несколько непривычном для нас виде: от Индии на востоке до Иберии и Британских островов на западе, с Иерусалимом в центре. Для средневекового восприятия это была не карта путешественников, а сцена, предопределенная Богом для исполнения драмы человеческого искупления. Мир, как тогда полагали, незыблемо веруя Библии, на шесть седьмых состоял из суши и на одну седьмую из воды. Поскольку принципы спасения были четко сформулированы и известны – насаждены, – в том числе в землях, известных как христианский мир, не существовало необходимости и не полагалось награды за проникновение на окраины цивилизации. В своем «Аде» Данте описал плавание Улисса через Геркулесовы столбы (Гибралтар и высоты на побережье Северной Африки, на западной окраине Средиземного моря) в поисках знаний; героя наказывают за преступления против Божьей воли – он обречен бороться с ураганом, который грозит потопить корабль и всю команду.

Современная эпоха объявила о своем наступлении, когда предприимчивые сообщества устремились за славой и богатством, исследуя океаны и территории, лежавшие за ними. В пятнадцатом веке Европа и Китай отважились пуститься в неизведанное почти одновременно. Китайские корабли, на тот момент крупнейшие в мире и технологически наиболее передовые, совершили исследовательские походы в Юго-Восточную Азию, Индию и к восточному побережью Африки. Китайцы обменивались подарками с местными сановниками, включали чужеземных вельмож в китайскую «табель о рангах» и привозили домой культурные артефакты и зоологические курьезы. Тем не менее после смерти «главного евнуха»[11 - «Главный евнух» – этого титула Чжэн Хэ был удостоен за заслуги перед императором; в китайской бюрократической иерархии этот титул примерно соответствовал чиновнику 4-го ранга (всего рангов было 9). Как адмирал Чжэн Хэ руководил всеми семью дальними плаваниями китайского флота в 1405–1433 годах. (Прим. перев.)] Чжэн Хэ в 1433 году китайский император повелел прекратить океанские походы, и флот остался догнивать в портах. Китай по-прежнему настаивал на универсальной значимости своих принципов мирового порядка, но отныне намеревался культивировать их исключительно дома, в лучшем случае – делиться с ближайшими соседями. И никогда больше не предпринимал сопоставимых морских экспедиций – быть может, вплоть до настоящего времени.

Шестьдесят лет спустя европейские державы также вышли в океан, покинув континент, где беспрестанно конкурировали суверенные государства; каждый монарх финансировал собственную морскую экспедицию – в надежде прежде всего на обретение коммерческого или стратегического преимущества над соперниками. Португальские, голландские и английские корабли дерзнули отправиться в Индию; испанцы и англичане вдобавок устремились в Западное полушарие. Постепенно они начали вытеснять сложившиеся торговые монополии и политические структуры. Стартовала трехвековая эпоха преобладающего европейского влияния на мировые дела. Международные отношения, некогда сугубо региональные, становились глобальными с географической точки зрения, центром их служила Европа, в которой сформулировали понятие мирового порядка и способы достижения последнего.

Затем случилась революция в рассуждениях о природе политической власти. Как донести свои мысли обитателям земель, о существовании которых прежде не подозревали? Как они вписываются в средневековую космологию империй и папства? Совет богословов, созванный Карлом V в 1550–1551 годах в испанском Вальядолиде, заключил, что люди, живущие в Западном полушарии, суть обладатели души – следовательно, они тоже имеют право на спасение. Такое богословское заключение было, безусловно, удобным оправданием для завоеваний и преобразований. Европейцы получили возможность приумножать свои богатства и успокоить совесть. Глобальное соперничество за контроль над территориями изменило характер международного порядка. Европейская перспектива расширилась – и расширялась до тех пор, пока последовательные усилия различных европейских государств по колонизации не затронули большую часть земного шара, пока концепция мирового порядка не слилась с идеологией баланса сил в Европе.

Вторым знаковым событием стало изобретение в середине пятнадцатого века книгопечатания, позволившего распространять знания в доселе невообразимых масштабах. Средневековое общество хранило знания, попросту запоминая дословно – либо кропотливо, вручную копируя религиозные тексты – или анализируя историю сквозь призму эпической поэзии. В эпоху освоения мира все новооткрытые земли следовало изучить и описать, а печать позволила воспроизводить отчеты о путешествиях в нужном количестве. Исследование новых земель стимулировало также интерес к античности и ее открытиям, с особым вниманием к значимости человеческой личности. Усиление позиций разума как объективного источника понимания и просвещения потрясло существующие институты, в том числе – мнившуюся до сих пор незыблемой власть католической церкви.

Третий революционный переворот, протестантская Реформация, начался, когда Мартин Лютер прибил свои девяносто пять тезисов к дверям замковой церкви в Виттенберге в 1517 году. Он настаивал, что человек связан с Богом напрямую; следовательно, индивидуальный характер, индивидуальное сознание – а вовсе не посредничество клириков – может и должно считаться ключом к спасению. Целый ряд феодальных правителей усмотрел возможность укрепить свою власть, приняв протестантизм, навязав его подданным, и обогатиться, захватывая церковные владения. Каждая сторона противостояния именовала приверженцев другой еретиками, теологические разногласия быстро переросли в схватку не на жизнь, а на смерть, когда религиозные распри усугубились политическими. Барьер, разделяющий «домашние» и заграничные дела, рухнул, едва сюзерены принялись поддерживать соперничающие фракции на землях соседей, зачастую провоцируя кровопролитие – или принимая в нем участие. Протестантская Реформация разрушила концепцию мирового порядка, существующего за счет «двух мечей» – папства и императорской власти. Христианство раскололось, христиане воевали друг с другом.

Тридцатилетняя война: что легитимно?

Столетие непрерывных войн сопровождалось распространением протестантизма и усилением критики католической церкви: Габсбургская империя и папство, разумеется, стремились уничтожить угрозу своей власти, а протестанты сопротивлялись и отчаянно защищали новую религию.

Период, получивший у потомков название «Тридцатилетняя война» (1618–1648), оказался кульминацией длинной череды неурядиц и распрей. Ввиду наметившейся имперской преемственности и того обстоятельства, что католический король Богемии, Фердинанд Габсбург, считался наиболее реальным кандидатом на трон, протестантское дворянство Богемии попыталось осуществить «смену режима», предложив корону своей страны – вкуче с решающим голосом при выборе императора – немецкому принцу-протестанту; в результате Священная Римская империя утратила бы католическое единство. Имперские войска подавили богемское восстание, а затем двинулись далее, преследуя протестантов повсеместно – и начав войну, которая опустошила Центральную Европу. (Протестантские князья в основном правили на севере Германии, к которому относилась и не слишком могущественная в ту пору

Пруссия; сердце католических земель находилось на юге Германии и в Австрии.)

В теории, другим католическим монархам, поддерживавшим императора, полагалось объединить силы в противостоянии новой ереси. На деле же, столкнувшись с необходимостью выбирать между духовным единством и стратегическими преимуществами, многие из них выбрали последнее. И тон среди отступников задавала Франция.

В период общих потрясений страна, сумевшая сохранить в целостности внутреннюю структуру власти, оказывается в положении, когда может использовать хаос в соседних государствах для достижения серьезных целей на международной арене. Хитроумные и безжалостные французские министры усмотрели возможность – и приступили к решительным действиям. Первое, что сделало Французское королевство, – оно изменило систему управления. В феодальных обществах авторитет был сугубо персональным, правление отражало волю правителя, но также проистекало из традиции, которая ограничивала доступ к ресурсам, потребным для национальных и международных предприятий. Главный министр Франции с 1624 по 1642 год, Арман Жан дю Плесси, кардинал де Ришелье, стал первым государственным деятелем, который преодолел эти ограничения.

Клирик, поднаторевший в дворцовых интригах, Ришелье отлично ориентировался в бурных водах эпохи религиозного переворота и краха прежних государственных структур. Будучи младшим из трех сыновей в семье мелкого дворянина[12 - Так у автора. На самом деле по отцу Ришелье принадлежал к родовитому дворянству, его отец служил королям Генриху III и Генриху IV, а крестными отцами юного Армана стали два маршала Франции. (Прим. перев.)], он помышлял о военной карьере, но позднее переключился на теологию – после неожиданной отставки брата, епископа Люсона (эту епархию в дар семье Ришелье пожаловала французская корона). Легенда гласит, что Ришелье завершил религиозное обучение слишком быстро – и в итоге оказался моложе минимального возраста, установленного для тех, кто претендовал на церковный пост; он устранил это препятствие, лично отправившись в Рим и солгав папе на аудиенции о своем возрасте. Получив формальное подтверждение своего статуса, он смело ринулся в фракционную политику при французском королевском дворе, стал сначала доверенным лицом королевы-матери, Марии Медичи, а затем сделался ближайшим советником главного политического конкурента Марии, ее несовершеннолетнего сына короля Людовика XIII. И королева, и король опасались Ришелье и не доверяли ему,

однако, в разгар противоборства с французскими протестантами-гугенотами не могли отказаться от его политического и административного гения. Ловкое лавирование молодого клирика между двумя враждующими фракциями двора позволило ему получить от Рима шляпу кардинала; тем самым, возведенный в кардинальский сан, Ришелье сделался наиболее высокопоставленным членом тайного королевского совета. Сохраняя свое положение при дворе на протяжении почти двух десятилетий, «красное преосвященство»[13 - Ришелье сам имел «серого кардинала», то есть конфидента и тайного агента Франсуа Леклера дю Трамбле, он же отец Жозеф, монах ордена капуцинов; свое прозвище он получил из-за цвета монашеского одеяния, и в дальнейшем так стали называть теневые фигуры мировой дипломатии.] (прозвище он получил за алый цвет кардинальских одежд) добился огромной власти: главный министр Франции, истинный правитель, пусть и не занимающий трон, прообраз нового поколения политиков, олицетворение централизованного государственного управления и внешней политики, основанной на балансе сил.

Когда Ришелье встал во главе французской политики, по Европе циркулировали трактаты Макиавелли о государственной мудрости. Неизвестно, был ли знаком Ришелье с этими текстами о политике власти. Однако он практиковал в своей деятельности основные принципы Макиавелли. Ришелье разработал радикальный подход к реализации идеи международного порядка. Он выдвинул мысль о том, что государство представляет собой абстрактную и постоянную сущность в собственном праве. Притязания этой сущности диктуются не личностью правителя, не семейными интересами и не универсальными требованиями религии. Путеводной звездой государства являются национальные интересы, проистекающие из вычисляемых принципов; позднее эта мысль стала основой теории *raison d'état*[14 - Государственных интересов (фр.). (Прим. перев.)]. Поэтому именно государство должно стать базовой единицей международных отношений.

Зарождающееся государство Ришелье воспринимал как инструмент высокой политики. Он сосредоточил власть в Париже, учредил должности так называемых интендантов – профессиональных государственных служащих, с помощью которых авторитет правительства укреплялся во всех провинциях и областях королевства, обеспечил эффективный сбор налогов и решительно оспаривал традиционно сильное на местах влияние «старого дворянства». Королевскую власть по-прежнему олицетворял монарх – как символ суверенного государства и как олицетворение национальных интересов.

Ришелье рассматривал войны в Центральной Европе не как повод взяться за оружие во имя защиты церкви, но как средство обуздать имперские амбиции Габсбургов. Хотя короля Франции именовали Rex Catholicissimus, или «Всекаатолическим»[15 - В исторической литературе и беллетристике обычно переводят этот титул как «Всехристианнейший» или «Наихристианнейший», но здесь принципиально важно подчеркнуть принадлежность Франции к католическому миру. (Прим. перев.)], еще с четырнадцатого столетия, сама Франция начала – постепенно, едва заметно, только позднее уже открыто – поддерживать протестантскую коалицию (Швеции, Пруссии и северогерманских княжеств), преследуя собственные, тщательно просчитанные национальные интересы.

В ответ на возмущенные возгласы – мол, как кардинал, он обязан исполнить свой долг перед универсальной и вечной католической церковью (то есть побудить Францию к выступлению против мятежных протестантских князей Северной и Центральной Европы), – Ришелье перечислял свои обязанности министра, стоящего во главе мирского, преходящего, пока уязвимого политического образования. Спасение души вполне может быть личной целью, но государственный деятель несет ответственность за политическую структуру, не имеющую вечной души, которую надлежит спасти. «Человек бессмертен, его спасение в будущем, – говорил Ришелье. – А государство лишено бессмертия, оно спасается либо сейчас, либо никогда».

Фрагментацию Центральной Европы Ришелье трактовал как политическую и военную необходимость. Основная угроза для Франции была стратегической, а вовсе не метафизической или религиозной: ведь объединенная Центральная Европа окажется в состоянии доминировать над остальным континентом. Поэтому в национальных интересах Франции предотвратить консолидацию Центральной Европы: «Если [протестантская] партия будет полностью уничтожена, вся мощь Австрийского дома обрушится на Францию». Поддерживая многочисленные мелкие государства Центральной Европы и ослабляя Австрию, Франция, следовательно, достигает своей стратегической цели.

Схема Ришелье благополучно пережила множество потрясений. Два с половиной столетия – с занятия Ришелье поста министра в 1624 году до провозглашения Бисмарком Германской империи в 1871 году – сохранение Центральной Европы (более или менее это территория современных Германии, Австрии и Северной Италии) разделенной оставалось руководящим принципом внешней политики

Франции. И пока эта концепция служила основой европейского порядка, Франция занимала лидирующие позиции на континенте. Когда же она ушла в прошлое, вместе с нею закончилось доминирование Франции.

Из государственной карьеры Ришелье можно сделать три вывода. Во-первых, неотъемлемым элементом успешной внешней политики является долгосрочная стратегическая концепция на основе тщательного анализа всех соответствующих факторов. Во-вторых, государственный деятель должен максимально приблизить это видение к реальности, базируясь на анализе фактов и формируя из массы неоднородных, зачастую противоречивых вызовов единое целое, вырабатывая целенаправленную политику. Он (или она) должен понимать, к чему ведет выбранная стратегия – и почему. В-третьих, действовать надлежит на переднем крае возможного, преодолевая разрыв между историческим опытом общества и его устремлениями. Повторение привычных шагов сулит застой, а значит, от политика требуются дерзость и смелость.

Вестфальский мир

В наше время Вестфальский мир принято считать первым шагом в осуществлении новой концепции международного порядка, которая впоследствии распространилась по всему миру. Однако те люди, что сошлись на переговорах по заключению мира, были куда более заинтересованы не в долгосрочных перспективах, а в протоколе и статусе.

К тому моменту, когда представители Священной Римской империи и двух ее основных противников, Франции и Швеции, согласовали в общих чертах созыв мирной конференции, конфликт длился уже двадцать третий год. И минуло еще два года, наполненных сражениями, прежде чем мирные делегации наконец-то встретились; причем каждая из сторон потратила время на укрепление связей с союзниками и улаживание спорных внутренних вопросов.

В отличие от прочих знаковых соглашений, наподобие Венского конгресса 1814–1815 годов или Версальского договора 1919 года, Вестфальский мир не был оформлен в рамках одной мирной конференции; да и сама обстановка переговоров не очень-то соответствовала типичному представлению о таких конференциях – собираются государственные деятели и обсуждают проблемы

мирового порядка. Как бы отражая, будто в зеркале, многочисленность участников войны, охватившей всю Европу, от Испании до Швеции, мир был заключен на основе множества сепаратных соглашений, подписанных в двух крошечных вестфальских городках. Представители католических держав, включая 178 депутатов от государств, входящих в Священную Римскую империю, собрались в католическом городе Мюнстер. Протестантские делегаты съехались в город Оснабрюк, лютеранско-католический по вероисповеданию, примерно в тридцати милях от Мюнстера. 235 официальных посланников и их свиты заняли все свободные помещения, какие смогли отыскать, в обоих городах, ни один из которых никогда не рассматривался как подходящее место для масштабного мероприятия, не говоря уже о съезде представителей европейских держав. Швейцарский посланник «разместился над ткацкой мастерской, в комнате, что воняла колбасой и рыбьим жиром», а делегация Баварии с боем отстояла восемнадцать кроватей для двадцати девяти человек, ее составлявших. В отсутствие уполномоченного председателя конференции или посредника, без всяких пленарных заседаний, делегаты встречались где и как придется и направлялись в нейтральную зону между двумя городами, чтобы договориться об условиях, а порой устраивали неформальные посиделки в кабачках. Некоторые крупные державы сочли возможным расквартировать своих представителей в обоих городах. Между тем боевые действия продолжались, несмотря на переговоры, и военная динамика, безусловно, оказывала влияние на ход конференции.

Большинство делегатов прибыли на конференцию с сугубо практическими инструкциями, основанными на стратегических интересах. Вслух они дружно произносили выпендрение, едва ли не идентичные фразы о достижении «мира ради блага христианства», однако было пролито слишком много крови, чтобы обеспечить реализацию этой высокой цели посредством доктринального или политического единства. Все прекрасно понимали, воспринимали как само собой разумеющееся, что мир будет заключен – если будет – на приемлемом для конкурентов балансе сил.

Текст Вестфальского мирного договора, выросший из этих чрезвычайно туманных дискуссий, является, пожалуй, наиболее часто цитируемым дипломатическим документом в истории Европы, хотя на самом деле общего текста этого договора не существует. И делегаты не встречались все вместе на общем пленарном заседании, чтобы его принять. Этот мир стал результатом трех комплементарных соглашений, подписанных по отдельности, в разное время и в разных городах. В январе 1648 года Испания по Мюнстерскому договору признала независимость Голландской республики, и так завершилось

голландское восстание продолжительностью около восьми десятилетий, финал которого совпал с Тридцатилетней войной. В октябре 1648 года два собрания делегатов, снова по отдельности, подписали мирные договоры в Мюнстере и Оснабрюке, причем условия этих договоров пересекались, как и ключевые положения.

Оба основных многосторонних договора провозглашали намерение заключить «христианский, всеобщий, нерушимый, истинный и искренний мир и дружбу» во имя «вящей славы Божией и безопасности христианских земель». Ключевые условия соглашений не сильно отличались от схожих статей других документов этого периода. Зато механизмы, при помощи которых предлагалось реализовывать согласованные меры, не имели прецедентов в европейской истории. Война уничтожила притязания на всеобщую или хотя бы конфессиональную солидарность. Начинаясь как столкновение католиков с протестантами, она, особенно после выступления Франции против католической Священной Римской империи, превратилась в череду хитроумных интриг и противоречивых союзов. Можно обнаружить немалое сходство с ближневосточным пожаром наших дней: религиозные лозунги и призывы к солидарности использовались для мотивирования, но конфессиональные интересы нередко игнорировались, поскольку учитывались прежде всего интересы геополитические – и даже просто амбиции отдельных выдающихся личностей. Каждая партия испытала, на том или ином этапе войны, предательство «естественных» союзников; никто не подписывал договоры в иллюзорном убеждении, будто он делает что-то еще, кроме как отстаивает собственные интересы и собственный престиж.

Как ни парадоксально, общее истощение и цинизм позволили делегатам превратить практические меры по окончанию конкретной войны в формулировки мирового порядка. После десятков встреч, на которых сходились закаленные в битвах бойцы, дабы закрепить завоеванные силой оружия успехи, бывшие формы иерархического порядка незаметно исчезали. Устанавливалось «коренное» равенство суверенных государств, независимо от их могущества или формы правления. Новые игроки на европейской арене, такие как Швеция и Голландская республика, по протоколу считались равными столь уважаемым великим державам, как Франция и Австрия. Всех монархов именовали «величествами», всех послов – «превосходительствами». Стремление к равенству зашло так далеко, что делегации, добиваясь абсолютного равенства, придумали входить на место переговоров каждая через отдельную дверь (что требовало прорубания дверей по числу участников), и шли к своим местам одинаковым шагом, чтобы ничья гордость не пострадала – ведь иначе тому, кто

идет быстрее, пришлось бы ждать другого, который перемещается неспешнее.

Вестфальский мир стал поворотным пунктом в истории народов, поскольку его условия были одновременно чрезвычайно простыми – и всеохватными. Отныне именно национальное государство, а не империя, династия или религиозная конфессия, признавалось «кирпичиком» европейского миропорядка. Была выработана концепция государственного суверенитета. Право каждой страны, подписавшей договор, устанавливать собственную внутреннюю структуру и религиозную ориентацию, не опасаясь вмешательства соседей, было закреплено формально, а дополнительные условия [16 - Эти формальные условия терпимости распространялись только на три признанные христианские конфессии – католицизм, лютеранство и кальвинизм.] подтверждали, что религиозные меньшинства вправе исповедовать свою веру и более не опасаться насильственного, принудительного обращения. Безусловно, договоры фиксировали непосредственные потребности заинтересованных сторон, но они же формировали принципы системы «международных отношений», вытекавшие из всеобщего желания избежать рецидивов тотальной войны на континенте. Практика дипломатического обмена, в том числе размещение посольств на постоянной основе в столицах других государств (до тех пор к подобной практике прибегали только венецианцы), стала одним из результатов Вестфальского мира; подразумевалось, что она позволит лучше улаживать межгосударственные противоречия и будет поощрять мирные способы разрешения конфликтов. Было предложено и впредь собирать конференции и организовывать консультации по вестфальскому образцу, чтобы регулировать споры, не допуская их перерастания в вооруженные столкновения. Международное право, разработанное во время войны европейскими светилами юриспруденции, такими как Гуго де Гроот (Гроций), трактовалось как подразумевающее расширение пространства согласованных доктрин, направленных на обретение гармонии, с Вестфальскими договорами в качестве фундамента.

Суть этой системы и причина ее повсеместного распространения состояли в том, что условия, в ней закрепленные, были процедурными, а не вида «здесь и сейчас». Если государство принимает эти основные требования, оно признается членом международного сообщества, сохраняющим собственную культуру, власть, религию и внутреннюю политику, но защищенным международной системой от внешнего вмешательства. Идеал имперского или религиозного единства – основа миропорядка в Европе и в большинстве других регионов – предполагал, что лишь один центр власти может считаться полностью легитимным. Вестфальская концепция выдвинула в качестве отправной точки

множество таких центров и вовлекла многообразие стран, принимая каждую как есть, в общие поиски порядка. К середине двадцатого века эта международная система успела утвердиться на всех континентах – и остается основой того международного порядка, который мы наблюдаем сегодня.

Вестфальский мир не зафиксировал расстановки противоборствующих союзов и не сформировал постоянную панъевропейскую политическую структуру. С утратой единой церковью положения основного источника легитимности и с ослаблением позиций императора Священной Римской империи в качестве концепции порядка в Европе был выбран баланс сил, который, по определению, предполагал идеологический нейтралитет и умение приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам. Британский государственный деятель девятнадцатого века лорд Пальмерстон выразил основной принцип этого мира следующим образом: «У нас нет вечных союзников и нет вечных врагов. Наши интересы – вот что вечно, постоянно, и наш долг – следовать этим интересам»[17 - Схожее по духу мнение выражал также Вильгельм III Оранский, который на протяжении жизни целого поколения боролся против французского господства (сначала как штатгальтер Нидерландов, а затем как король Англии, Ирландии и Шотландии); Вильгельм признавался своему советнику, что, живи он в 1550-х годах, когда Габсбурги пребывали в зените славы, он был бы «настолько французом, насколько теперь испанец» (Габсбург). Позднее и Уинстон Черчилль, отвечая в 1930 году на обвинения в антигерманизме, сказал: «Если обстоятельства изменились бы с точностью до наоборот, мы бы стали пронемецкой и антифранцузской страной».]. На просьбу сформулировать эти интересы более конкретно, в виде официальной «внешней политики», прославленный апологет британского могущества ответил: «Когда люди спрашивают меня... что такое политика, единственный ответ таков: мы намереваемся делать то, что кажется наилучшим, в каждом конкретном случае, когда тот возникает, полагая интересы нашей страны своим руководящим принципом». (Конечно, эта обманчиво простая установка оказалась эффективной для Британии отчасти потому, что ее правящий класс обладал общим, почти интуитивным пониманием того, каковы интересы страны.)

Сегодня Вестфальскую систему нередко обвиняют в циничном манипулировании: дескать, это происки власти, равнодушной к соображениям этики. Тем не менее структура, порожденная Вестфальским миром, представляла собой первую попытку институционализации международного порядка на основе согласованных правил и ограничений, обосновывала

сосуществование множества центров силы, а не доминирования одной страны. Понятия *raison d'état* и «национальных интересов» стали известны публике, и за ними скрывались не амбиции власть имущих, а стремление к рационализации, к ограничению абсолютизма. По всей Европе на протяжении жизни нескольких поколений велись войны во имя универсальных (и противоречивых) нравственных требований; наконец пророки и завоеватели развязали тотальную войну в погоне за удовлетворением личных, династических, имперских и религиозных претензий. Теоретически логичное и предсказуемое взаимодействие государственных интересов было призвано преодолеть хаос, царивший на континенте. Локальные войны по «вычисляемым» поводам шли на смену эпохе торжествующего универсализма, с его принудительными ссылками, обращениями и всеобщей войной, пожиравшей гражданское население.

При всех своих недостатках система баланса сил виделась шагом вперед по сравнению с ужасами религиозных войн. Но как установить этот баланс сил? В теории он основывался на реалиях; следовательно, все игроки на европейской арене должны воспринимать его одинаково. Но каждое общество имеет собственное устройство, культуру и историю и многократно убеждалось, что элементы власти, сколь угодно объективные, находятся в постоянном движении. Поэтому баланс сил следовало время от времени «калибровать». Так возникали войны, масштабы которых баланс сил сам и ограничивал.

Вестфальская система в действии

Благодаря Вестфальскому миру в ведении папства остались исключительно религиозные вопросы, а в межгосударственных отношениях закрепилась доктрина суверенного равенства. Какая же политическая теория могла объяснить происхождение и обосновать функционирование светского политического порядка? В своем «Левиафане» [18 - Опыт, который заставил Гоббса написать «Левиафана», он почерпнул в основном из гражданских войн в Англии; влияние этих войн на Англию, к слову, не столь разрушительное, как влияние Тридцатилетней войны на континент, было весьма существенным.], опубликованном в 1651 году, спустя три года после заключения Вестфальского мира, Томас Гоббс изложил такую теорию. По его мнению, в прошлом наличествовало некое «природное состояние», когда отсутствие власти вело к неизбежной «войне всех против всех». Чтобы впредь не возникло этой недопустимой всеобщей растерянности, теоретизировал он далее, люди

передали свои права суверенной власти – в обмен на гарантированную сувереном безопасность для всех в границах государства. Монополия суверенного государства на власть сложилась как единственный способ преодоления вечного страха насильственной смерти и войны.

Общественный договор в анализе Гоббса не применим вне границ государств, поскольку не существует никакого наднационального сюзерена, налагающего свой порядок. Поэтому:

«Что касается обязательств одного суверена по отношению к другому, оные определяются тем законом, который обычно называют законом народов, и мне о нем не нужно что-либо говорить сейчас, ибо закон народов и закон природы суть то же самое. Каждый суверен обладает равным правом предоставления безопасности собственному народу, как и любой отдельный индивид наделен правом обеспечивать безопасность собственного тела»[19 - Этот абзац из главы ХХХ «Левиафана» в русском переводе работы Т. Гоббса опущен. (Прим. перев.)].

Международная арена пребывает в «естественном состоянии» и представляет собой анархию, поскольку нет мирового суверена, который бы гарантировал безопасность всему миру, да и сотворить такового не имеется практической возможности. Следовательно, каждому государству необходимо ставить собственные национальные интересы превыше всего – в мире, где власть является первостепенным фактором. Кардинал Ришелье наверняка охотно согласился бы с этим тезисом.

Вестфальский мир на первых порах реализовывал гоббсовскую схему. Как можно было отрегулировать это новое соотношение сил? Следовало провести различие между балансом сил как фактом и как системой. Любой международный порядок – достойный этого названия – рано или поздно должен достичь равновесия, иначе мир окажется в состоянии постоянной войны. Поскольку средневековый мир объединял десятки княжеств, практический баланс сил нередко складывался де-факто. После Вестфальского договора баланс сил предстал уже в виде системы; достижение упомянутого баланса признавалось одной из ключевых целей внешней политики; его нарушение грозило образованием коалиции, стремящейся защитить равновесие.

Возвышение Британии в качестве главенствующей военно-морской державы в начале восемнадцатого века позволило преобразовать баланс сил из фактического результата в систему. Владычество над морями предоставило Британии возможность выбирать время и масштабы своего вмешательства в дела континента, выступать арбитром баланса сил, даже гарантом того, что в Европе будет сохраняться баланс сил. До тех пор, пока Британия верно оценивала свои стратегические притязания, она оставалась в состоянии поддерживать более слабую сторону конфликтов на континенте против более сильной, предотвращая тем самым возникновение чьей-либо гегемонии в Европе – и вынуждая континент мобилизовывать свои ресурсы ради вызова морскому могуществу Британии. До начала Первой мировой войны Англия действовала в роли «балансира» в европейском равновесии. Она принимала участие в европейских войнах, однако нередко меняла стороны – не в погоне за конкретными, сугубо национальными целями, но определяя собственные национальные интересы при сохранении баланса сил. Многие из британских принципов воспроизводит в современном мире Америка, о чем будет сказано позже.

После Вестфальского мира в Европе фактически сложились два баланса сил[20 - Важно помнить, что в ту пору существовала всего одна реальная сила в Центральной Европе – Австрия и ее доминионы. Пруссия оставалась третьестепенным государством на восточной окраине Германии. Сама Германия была географическим понятием, а не страной. Десятки малых, даже миниатюрных княжеств составляли мозаику немецкого правления.]: общий порядок, гарантом которого выступала Англия, служил залогом всеевропейской стабильности, а центральноевропейский порядок, в основном контролируемый Францией, был призван не допустить появления объединенной Германии, способной стать наиболее могущественной страной на континенте. На протяжении более двухсот лет эти два порядка удерживали Европу от распада на фрагменты, от возвращения к временам Тридцатилетней войны; войн как таковых они не предотвращали, но ограничивали их влияние, потому что целью обоих являлось равновесие, а не завоевание всего и вся.

Баланс сил можно оспорить по крайней мере двумя способами: если какая-либо крупная страна нарастит свое могущество до той степени, когда будет угрожать гегемонией, или если второстепенное до того государство предпримет попытку вступить в ряды великих держав и осуществит череду «компенсирующих корректировок» порядка ради установления нового равновесия – а то и ради всеобщего конфликта. С обоими вызовами Вестфальская система столкнулась в восемнадцатом столетии – сперва ей пришлось выдержать стремление к

гегемонии французского короля Людовика XIV, а затем произвести «перенастройку» системы по настоянию прусского монарха Фридриха Великого, требовавшего себе равного с прочими статуса.

Людовик XIV стал полновластным монархом в 1661 году и сумел усовершенствовать концепцию управления Ришелье до поистине беспрецедентного уровня. Французская корона в прошлом управляла страной через феодалов, чьи собственные, автономные притязания на власть базировались на праве наследования. Людовик же стал править через королевскую бюрократию, целиком и полностью зависимую от монарха. Он отдалял от себя придворных благородной крови и возвышал бюрократов. Имела значение только служба королю, а ранг и благородство рождения в расчет не принимались. Блестящему министру финансов Жану Батисту Кольберу, сыну провинциального торговца тканями, поручили унифицировать налоговое администрирование и изыскать средства для ведения непрерывных войн. Мемуары Сен-Симона, герцога по праву наследования и литератора, содержат горькие наблюдения очевидца этой социальной трансформации:

«Он [Людовик] прекрасно понимал, что бремя его опалы может удручить сеньора, но не уничтожить вместе со всей его семьей, зато, смещая государственного секретаря или иного чиновника того же ранга, он вновь погружает его самого и его близких в бездну ничтожества, откуда сам извлек; даже богатства, которые, вполне возможно, остались у отставленного, не способны извлечь из подобного небытия. Потому-то ему и доставляла такое удовольствие мысль, что министры благодаря своей власти господствовали над самыми высокородными его подданными, над принцами крови...»[21 - Пер. Ю. Б. Корнеева. (Прим. перев.)]

В 1680 году Людовик, как бы подчеркивая всеохватывающий характер своей абсолютистской власти, принял титул «Великий», в дополнение к более раннему, лично монархом установленному, именованию «Король-Солнце». В 1682 году территории Франции в Северной Америке получили в честь короля название «Луизиана». В том же году королевский двор переехал в Версаль, откуда Людовик и правил, уделяя максимум внимания «театрализованной монархии», каковая была призвана всячески прославлять его величие.

Объединение королевства позволило покончить с разрушительными последствиями внутренних распрей; наличие же квалифицированной бюрократии и армии, намного превосходящей силы любого соседнего государства, обеспечило Франции на некоторое время доминирующее положение в Европе. Правление Людовика представляло собой почти непрерывную вереницу войн. Разумеется – это верно и для последующих претендентов на европейскую гегемонию, – каждое новое завоевание провоцировало возникновение коалиции «обиженных» наций. Поначалу полководцы Людовика одерживали победы везде и всюду, но в итоге они были разгромлены или как минимум превзойдены; наиболее показательна «порка», устроенная им в первом десятилетии восемнадцатого века Джоном Черчиллем, позднее ставшим герцогом Мальборо, предком великого премьер-министра двадцатого столетия Уинстона Черчилля. Получилось, что легионы Людовика не смогли подорвать исходную устойчивость Вестфальской системы.

Спустя десятилетия после смерти Ришелье продемонстрированная эффективность консолидированного, централизованного государства, проводящего светскую внешнюю политику и централизующего управление, вдохновила подражателей, которые объединились, дабы уравновесить могущество Франции. Англия, Голландия и Австрия образовали Великий альянс, к которому позднее присоединились Испания, Пруссия, Дания и несколько немецких княжеств. Отмечу, что нельзя говорить об идеологической или религиозной оппозиции Людовику: французский оставался языком дипломатии и высокой культуры на большей части Европы, а среди союзников продолжали усугубляться противоречия между католиками и протестантами. Скорее, следует указать на «врожденную» характеристику Вестфальской системы, ярко проявившую себя в данном случае, – стремление к сохранению плюрализма европейского порядка. Особенность последнего прекрасно передает имя, присвоенное современными историками, – Великое успокоение. Людовик добивался владычества, равного гегемонии, ради славы Франции. Он потерпел поражение от Европы, которая искала порядок в разнообразии.

В первой половине восемнадцатого века преобладали панъевропейские стремления сдержать Францию; вторая же половина столетия прошла под знаком усилий Пруссии обрести себе место среди великих держав. Где Людовик начинал войны, чтобы преобразить власть в гегемонию, там прусский король Фридрих II отправлялся в бой, чтобы трансформировать скрытую слабость в статус великой державы. Расположенная на суровой северогерманской равнине,

простирающаяся от Вислы до западных границ Германии, Пруссия культивировала дисциплину и служение обществу, представляя их как равноценную замену более многочисленному населению и богатым ресурсам, которыми располагали более обеспеченные страны. Разделенная на две несмежные части[22 - До того как безжалостная дипломатия привела к трем последовательным разделам Польши, восточная половина территории Фридриха была ограничена Польшей с трех сторон и Балтийским морем с четвертой.], она опасно балансировала между австрийской, шведской, российской и польской сферами влияния. Сама Пруссия была населена относительно скудно; ее преимущество состояло в дисциплине, с какой она управляла своими ограниченными ресурсами. Главными богатствами Пруссии были гражданская активность, эффективность государственной бюрократии и хорошо обученная армия.

Когда Фридрих II всходил на престол в 1740 году, казалось маловероятным, что он добьется того величия, которого в итоге достиг. Устав от прозябания в весьма неопределенном статусе наследного принца, он попытался бежать в Англию в сопровождении друга, Ганса Германа фон Катте. Беглецов задержали. Правящий монарх повелел обезглавить фон Катте на глазах у Фридриха, а самого принца судил военный трибунал во главе с королем. Отец задал сыну 178 вопросов, и Фридрих умудрился ответить на них так ловко и изворотливо, что был оправдан и восстановлен в правах.

Пережить подобный трагический опыт можно было, только приняв строгое отцовское отношение к долгу – и обзаведясь мизантропическими взглядами на человеческую природу в целом. Фридрих воспринимал свою личную власть как абсолютную, но понимал, что политику жестко лимитируют принципы *raison d'état*, выдвинутые Ришелье столетием ранее. «Правители являются рабами своих ресурсов, – говаривал он, – а интересы государства выражаются в законе, и этот закон не может быть нарушен». Доблестный космополит (Фридрих говорил и писал по-французски и сочинял сентиментальные французские стишки даже в ходе военных кампаний – одному своему творению он дал подзаголовок «*Pas trop mal pour la veille d'une grande bataille*»[23 - «Не так все плохо накануне битвы» (фр.). (Прим. перев.)]), он воплощал собой новую эру «просвещенного правления»[24 - Как заметил в 1734 году Александр Поуп: «О формах власти спорить – блажь и грех; / Тот лучше всех, кто правит лучше всех».], благожелательный деспотизм, легитимизованный эффективностью, а не идеологией.

Фридрих полагал, что статус великой державы требует территориального единства Пруссии – то есть расширения границ страны. В иных оправданиях, политических или моральных, попросту не было необходимости. «Превосходство наших войск, своевременность, с которыми мы способны привести их в движение, обеспечивают нам, если коротко, явное преимущество перед нашими соседями»; таково оказалось единственное оправдание, по которому Фридрих захватил в 1740 году богатую и традиционно проавстрийскую провинцию Силезия. Решая вопрос геополитически, а не юридически или морально, Фридрих заключил союз с Францией (которая рассматривала Пруссию как противовес Австрии) и сохранил Силезию по мирному договору 1742 года, фактически почти в два раза увеличив территорию и численность населения Пруссии.

Своими амбициями Фридрих вновь принес войну в Европу, которая находилась в состоянии мира с 1713 года, когда Утрехтский договор положил предел притязаниям Людовика XIV. Вызов, брошенный сформированному балансу сил, привел в действие механизмы Вестфальской системы. Цена за принятие в сообщество европейских государств, за вхождение в него в качестве нового члена европейского порядка составила семь лет опустошительной, почти катастрофической войны. Прежние союзы утратили силу, поскольку бывшие союзники Фридриха теперь норовили его остановить, а бывшие соперники пытались использовать дисциплинированную прусскую армию ради собственных целей. Россия, далекая и загадочная, впервые приняла участие в состязании за европейское влияние. На грани поражения, когда русские войска стояли у ворот Берлина, Фридрих обрел спасение в результате внезапной смерти царицы Елизаветы. Новый царь, давний поклонник Фридриха, завершил войну. (В апреле 1945 года Гитлер, осажденный в окруженном Берлине, ожидал события, сравнимого с так называемым «Чудом Бранденбургского дома», – и услышал от Йозефа Геббельса, что чудо произошло: умер президент Франклин Д. Рузвельт.)

Священная Римская империя превратилась в название без сути, и никто из европейских держав более не претендовал на универсальную власть. Почти все правители утверждали, что правят по божественной воле – этого не ставила под сомнение ни одна крупная держава, – но вынужденно признавали, что Господь благоволит и многим другим монархам. Поэтому войны затевались ради ограниченных территориальных приобретений, не ради свержения существующих правительств и институтов, не ради принуждения к новой системе отношений между государствами. Традиция не позволяла правителям рекрутировать подданных и сильно уменьшала возможности повышать налоги. Что касается гражданского населения, его страдания ни в коей мере не сопоставимы с ужасами Тридцатилетней войны – или той катастрофой, которую

технологии и идеология произведут два столетия спустя. В восемнадцатом веке баланс сил представлял собой театр, в котором «жизни и ценности выставлены на обозрение, среди великолепия, блеска, галантности и ярких спектаклей самоуверенности». Использование силы ограничивалось тем фактом, что система – это признавали все – не потерпит гегемонистских устремлений.

Наиболее стабильные международные порядки обладали преимуществом единого восприятия. Государственные деятели, которые сформировали европейский порядок восемнадцатого века, были аристократами, которые оперировали нематериальными активами (честь, долг и прочее) столь же умело, сколь умело договаривались о фундаментальных принципах. Они принадлежали к единой элите общества, которая говорила на общем языке (французский), посещала одни и те же салоны и заводила романтические связи в столицах других государств. Национальные интересы, конечно, варьировались, но в мире, где министром иностранных дел мог служить подданный другого монарха[25 - Имеются в виду князь А. Чарторыйский, министр иностранных дел России в 1804–1806 годах и претендент на польский престол, и граф И. Каподистрия, в 1816–1822 годах – министр иностранных дел Российской империи, а с 1828-го – первый президент Греции. (Прим. перев.)] (до 1820 года в России, например, министров иностранных дел приглашали из-за рубежа), а территория могла изменить национальную принадлежность вследствие брачного союза или удачного наследования, ощущение объединяющей общей цели было выражено наглядно. В восемнадцатом веке расчет сил делался, исходя из всеобщего вдохновляющего чувства легитимности и негласных правил международного поведения.

Согласие не следует сводить исключительно к этикету; оно отражало этические убеждения европейцев. Никогда в истории Европа не была более сплоченной или более «спонтанной», нежели в тот период, получивший позднее наименование эпохи Просвещения. Новые достижения в науке и философии постепенно устраняли прежние европейские разногласия из-за традиций и вер. Стремительное наступление рационализма по многим фронтам – в физике, химии, астрономии, истории, археологии, картографии – укрепляло новую, светскую веру в разум, предрекая, что раскрытие всех тайн природы ныне – только вопрос времени. «...Истинное мироздание было наконец открыто: оно стало развивающейся, все более совершенствующейся системой познания мира», – писал в 1759 году блестящий французский энциклопедист Жан Лерон Д'Аламбер, вторя общим умонастроениям:

«Начиная с представлений о Земле и кончая представлениями о Сатурне, от истории неба до истории насекомых, наука о природе совершенно изменила свой вид. А вслед за нею и все другие науки приобрели новую форму... Открытие и применение нового метода философствования возбуждают не только энтузиазм, сопровождающий все великие открытия, но также и всеобщий взлет идей. Все эти причины вызвали к жизни настоящее брожение умов. Брожение это, действующее во всех направлениях, неудержимо обратилось на все, что попадает на его пути, подобно вышедшему из берегов, сметающему дамбы потоку».

Это «брожение» основывалось на новом, аналитическом духе и на тщательном исследовании всех гипотез и утверждений. Изучение и систематизация знаний – предприятие, олицетворением которого стала двадцативосьмитомная «Энциклопедия», в чьем издании Д’Аламбер участвовал в 1751–1772 годах, – позволяла говорить о познаваемой, демистифицированной вселенной, о человеке как ее основном деятеле и раскрывателе тайн. Обширные знания будут объединены, писал коллега Д’Аламбера Дени Дидро, во имя «общей картины усилий человеческого ума». Разум противопоставит лжи «твердые принципы» и заполнит «пустоты, разделяющие... науки или искусства», благодаря чему этот труд «будет способствовать достоверности и прогрессу человеческих знаний и... умножая число истинных ученых, выдающихся мастеров и просвещенных любителей, он окажет на общество новое полезное действие»[26 - Дидро Д. Проспект к «Энциклопедии» // Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1939. Т. 7. Пер. В. И. Пикова. (Прим. перев.)].

Неизбежно новый образ мышления и анализа должны были применить к концепциям управления, политической легитимности и международного порядка. Политический философ Шарль-Луи де Секонда, барон де Монтескье, расширил принципы баланса сил на внутреннюю политику, описал систему сдержек и противовесов, позднее институционализированную в конституции США. Далее он обратился к философии истории и механизмам социальных изменений. Обозревая историю различных обществ, Монтескье пришел к выводу, что события никогда не происходят случайно. Всегда есть некая исходная причина, которую разум в состоянии обнаружить, а затем использовать для общего блага:

«Миром управляет не фортуна... Существуют общие причины как морального, так и физического порядка, которые действуют в каждой монархии, возвышают ее, поддерживают или низвергают; все случайности подчинены этим причинам. Если случайно проигранная битва, то есть частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы. Одним словом, все частные причины зависят от некоторого всеобщего начала»[27 - Монтескье Ш.-Л. Размышления о причинах величия и падения римлян. Перевод под ред. М. П. Баскина. (Прим. перев.)].

Немецкий философ Иммануил Кант, возможно, величайший философ эпохи Просвещения, продолжил усилия Монтескье и выдвинул теорию перманентного и мирного мирового порядка. Размышляя о мире в бывшей прусской столице Кёнигсберге, основываясь на истории Семилетней войны, американской Войны за независимость и Великой французской революции, Кант осмелился увидеть в глобальных потрясениях первые намеки на новый, более мирный международный порядок.

Человечество, рассуждал Кант, характеризует отличительная черта – «недоброжелательная общительность», под которой он имеет в виду «склонность вступать в общение, связанную, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением»[28 - Здесь и далее: Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Пер. И. А. Шапиро. (Прим. перев.)]. Проблема порядка, в особенности международного порядка, «самая трудная и позднее всех решается человеческим родом». Люди основывают государства, чтобы усмирять свои страсти, но, как индивид в естественном состоянии, каждое государство стремится сохранить абсолютную свободу, даже ценой «не знающего законов состояния диких». Но «опустошения, разрушения и даже полное внутреннее истощение сил», эти следствия межгосударственных столкновений, со временем понудят людей искать альтернативу. Роду человеческому суждено пребывать либо в покое «гигантского кладбища человечества»[29 - Кант И. К вечному миру. Пер. под ред. А. В. Гулыги. (Прим. перев.)], либо в мире, устроенном разумно.

Ответом, по мнению Канта, способна стать добровольная федерация республик, поклявшихся избегать вражды и здраво вести себя на внутренней и международной аренах[30 - То есть представительско-демократические государства с формами участия правительства, управляемые посредством

системы законов, которые применимы в равной степени для всех граждан. Трактат «К вечному миру» с тех пор причисляют к провозвестникам современной «демократической теории мира». Тем не менее в своем трактате Кант различал республики, которые он описывал как представительные политические структуры, где «исполнительная власть (правительство) отделена от законодательной», и демократии. «Демократия, в собственном смысле слова [иначе – прямая демократия, примером каковой могут служить поздние древние Афины, где все государственные дела решались народным голосованием. – Г. К.], – утверждал Кант, – неизбежно есть деспотизм». Их граждане станут придерживаться мира, потому что, в отличие от деспотических правителей, помышляя о военных действиях, они задумаются, стоит ли «навлекать на себя все тяготы войны»[31 - Опираясь в пространстве чистого разума, Кант предпочел не заметить пример республиканской Франции, которая затеяла войну со всеми своими соседями ради народной поддержки.]. С течением лет привлекательность этого соглашения станет очевидной, и так начнется постепенное преобразование в мирный международный порядок. Природа поставила себе целью, чтобы человечество в конце концов сумело отыскать дорогу к системе «объединенной власти... стало быть... всемирно-гражданскому состоянию публичной государственной безопасности» и к «совершенному гражданскому объединению человеческого рода».

Вера в силу разума, на грани иллюзии, отражена отчасти в том, что древние греки называли *hubris*, – в своего рода духовной гордыне, содержащей семена собственного разрушения. Философы Просвещения игнорировали ключевой вопрос: может ли государственный порядок быть изобретен с нуля кабинетными интеллектуалами или же диапазон выбора ограничен «подковерными» органическими и культурными реалиями (как полагал Берк)? Существуют ли единая концепция и механизм, логически объединяющие все на свете таким образом, что это можно обнаружить и изучить (как утверждали Д'Аламбер и Монтескье), – или наш мир слишком сложен, а человечество слишком многообразно, чтобы подступать к решению этих вопросов, вооружившись исключительно логикой, тогда как требуется известная интуиция и почти эзотерическое искусство государственного управления?

Философы эпохи Просвещения на континенте в целом выбрали рационалистический, а не органический взгляд на политическую эволюцию. И своими трудами способствовали – непреднамеренно, конечно, ведь они призывали к противоположному, – наступлению события, которое сотрясало Европу на протяжении десятилетий и последствия которого ощущаются по сей день.

Французская революция и ее последствия

Революции вызывают больше всего потрясений, когда происходят неожиданно. Так было и с Великой французской революцией, которая провозгласила внутренний и международный порядки, настолько отличавшиеся от Вестфальской системы, насколько это вообще было возможно. Отказавшись от различия внутренней и внешней политики, она возродила накал страстей времен Тридцатилетней войны – и в известной степени даже превзошла его, – подменив светским крестовым походом религиозные стимулы семнадцатого века. Революция продемонстрировала, каким образом внутренние изменения в обществе способны поколебать международное равновесие куда сильнее, нежели внешняя агрессия; этот урок впоследствии заставят выучить заново бурные события двадцатого столетия, многие из которых проистекают из концепций, впервые озвученных в период Французской революции.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вестфальский мирный договор был подписан в середине XVII века, а концепция тотальной войны разработана немецкими военными теоретиками в начале XX века; эта концепция исходила из факта, что современная война перестала быть сражением армий и стала сражением наций – одно государство, мобилизуя все доступные ресурсы, побеждает другое, сокрушая его «дух». (Прим. перев.)

2

Экуменизм – единство в многообразии, принцип сосуществования различных христианских церквей. В данном случае вместо авторского термина было бы логичнее использовать определение «мультикультурализм». (Прим. перев.)

3

Имеется в виду государство Сасанидов на территории современных Ирака и Ирана (в период расцвета занимало территорию от Александрии в Египте до Пешавара в Пакистане), существовавшее до середины VII столетия и уничтоженное Арабским халифатом. (Прим. перев.)

4

«Территория войны» (Дар-аль-харб) – в исламском богословии земли, где большинство населения составляют неверные, не исповедующие ислам и ему враждебные. «Территории войны» противопоставляется Дар-аль-ислам – «территория ислама»; между ними находится Дар-ас-сульх – «территория перемирия», где в Аллаха не верят, но мусульман не преследуют. Ни в Коране, ни в хадисах (изречениях) Пророка о подобном делении мира не упоминается; считается, что эту концепцию ввели в обращение богословы XIII–XIV веков. (Прим. перев.)

5

Имеется в виду передача значительной части полномочий государственной власти в суверенном национальном государстве наднациональной структуре, в данном случае – Европейскому союзу. (Прим. перев.)

6

Цит. по: Антология мировой правовой мысли. Т. 2. М.: Мысль, 1999. Пер. Н. Ф. Ускова. (Прим. перев.)

7

Полный титул Карла звучал так: «Карл милостивейший возвышенный, коронованный Богом, великий властитель-миротворец, правитель Римской империи, милостью Божией король франков и лангобардов». (Прим. перев.)

8

Имеется в виду создание Испанской марки (графства), завоевание Жероны и Барселоны и последующий захват Таррагоны (801–806). Следует отметить, что боевые действия против мавров вел не Карл, а его сын и будущий преемник на троне – Людовик Аквитанский (Благочестивый). (Прим. перев.)

9

Позднее в Европе, фракционной и скептической по отношению к универсалистским претензиям, правление Карла воспринималось не столько как шаг в направлении долгожданного единства, сколько как катастрофическая

угроза. Шотландский философ Дэвид Юм, продукт эпохи Просвещения, напишет в восемнадцатом столетии: «Человечество заново утрашилось опасности всемирной монархии, когда император Карл объединил столь многие королевства и княжества».

10

Так у автора. Точнее – Неаполитанское королевство (Королевство обеих Сицилий), которым от имени императора Габсбурга управлял вице-король. Формально границы королевства охватывали всю Южную Италию. (Прим. перев.)

11

«Главный евнух» – этого титула Чжэн Хэ был удостоен за заслуги перед императором; в китайской бюрократической иерархии этот титул примерно соответствовал чиновнику 4-го ранга (всего рангов было 9). Как адмирал Чжэн Хэ руководил всеми семью дальними плаваниями китайского флота в 1405–1433 годах. (Прим. перев.)

12

Так у автора. На самом деле по отцу Ришелье принадлежал к родовитому дворянству, его отец служил королям Генриху III и Генриху IV, а крестными отцами юного Армана стали два маршала Франции. (Прим. перев.)

13

Ришелье сам имел «серого кардинала», то есть конфидента и тайного агента Франсуа Леклера дю Трамбле, он же отец Жозеф, монах ордена капуцинов; свое прозвище он получил из-за цвета монашеского одеяния, и в дальнейшем так стали называть теневые фигуры мировой дипломатии.

14

Государственных интересов (фр.). (Прим. перев.)

15

В исторической литературе и беллетристике обычно переводят этот титул как «Всехристианнейший» или «Наихристианнейший», но здесь принципиально важно подчеркнуть принадлежность Франции к католическому миру. (Прим. перев.)

16

Эти формальные условия терпимости распространялись только на три признанные христианские конфессии – католицизм, лютеранство и кальвинизм.

17

Схожее по духу мнение выражал также Вильгельм III Оранский, который на протяжении жизни целого поколения боролся против французского господства (сначала как штатгальтер Нидерландов, а затем как король Англии, Ирландии и Шотландии); Вильгельм признавался своему советнику, что, живи он в 1550-х

годах, когда Габсбурги пребывали в зените славы, он был бы «настолько французом, насколько теперь испанец» (Габсбург). Позднее и Уинстон Черчилль, отвечая в 1930 году на обвинения в антигерманизме, сказал: «Если обстоятельства изменились бы с точностью до наоборот, мы бы стали пронемецкой и антифранцузской страной».

18

Опыт, который заставил Гоббса написать «Левиафана», он почерпнул в основном из гражданских войн в Англии; влияние этих войн на Англию, к слову, не столь разрушительное, как влияние Тридцатилетней войны на континент, было весьма существенным.

19

Этот абзац из главы XXX «Левиафана» в русском переводе работы Т. Гоббса опущен. (Прим. перев.)

20

Важно помнить, что в ту пору существовала всего одна реальная сила в Центральной Европе – Австрия и ее доминионы. Пруссия оставалась третьестепенным государством на восточной окраине Германии. Сама Германия была географическим понятием, а не страной. Десятки малых, даже миниатюрных княжеств составляли мозаику немецкого правления.

21

Пер. Ю. Б. Корнеева. (Прим. перев.)

22

До того как безжалостная дипломатия привела к трем последовательным разделам Польши, восточная половина территории Фридриха была ограничена Польшей с трех сторон и Балтийским морем с четвертой.

23

«Не так все плохо накануне битвы» (фр.). (Прим. перев.)

24

Как заметил в 1734 году Александр Поуп: «О формах власти спорить – блажь и грех; / Тот лучше всех, кто правит лучше всех».

25

Имеются в виду князь А. Чарторыйский, министр иностранных дел России в 1804–1806 годах и претендент на польский престол, и граф И. Каподистрия, в 1816–1822 годах – министр иностранных дел Российской империи, а с 1828-го – первый президент Греции. (Прим. перев.)

26

Дидро Д. Проспект к «Энциклопедии» // Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1939. Т. 7. Пер. В. И. Пикова. (Прим. перев.)

27

Монтескье Ш.-Л. Размышления о причинах величия и падения римлян. Перевод под ред. М. П. Баскина. (Прим. перев.)

28

Здесь и далее: Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Пер. И. А. Шапиро. (Прим. перев.)

29

Кант И. К вечному миру. Пер. под ред. А. В. Гулыги. (Прим. перев.)

30

То есть представительные-демократические государства с формами участия правительства, управляемые посредством системы законов, которые применимы в равной степени для всех граждан. Трактат «К вечному миру» с тех пор причисляют к провозвестникам современной «демократической теории мира». Тем не менее в своем трактате Кант различал республики, которые он описывал как представительные политические структуры, где «исполнительная власть (правительство) отделена от законодательной», и демократии. «Демократия, в

собственном смысле слова [иначе – прямая демократия, примером какой могут служить поздние древние Афины, где все государственные дела решались народным голосованием. – Г. К.], – утверждал Кант, – неизбежно есть деспотизм».

31

Оперируя в пространстве чистого разума, Кант предпочел не заметить пример республиканской Франции, которая затеяла войну со всеми своими соседями ради народной поддержки.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kissindzher_genri/mirovoy-poryadok

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)